

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТРУДЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ

МОНЕТЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
В МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XIII – XV веков

I МНК — Саратов 2001

II МНК — Муром 2003

*Монетный кабинет
Г. Н. Семенова*

*28.04.2005
Кочетков*

«Нумизматическая Литература»
Москва 2005

ТРУДЫ
II МЕЖДУНАРОДНОЙ
НУМИЗМАТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

«МОНЕТЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
В МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XIII – XV веков»

МУРОМ
6 – 12 сентября 2003

ТАМГИ НА МОНЕТАХ МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВ XIII–XIV ВВ. КАК ЗНАКИ СОБСТВЕННОСТИ

П.Н. Петров (Москва)

Достаточно полный литературный обзор по вопросам возникновения, назначения и закономерностей развития тамг был приведен МД Полубояриновой¹. Это позволяет избежать проведения повторного аналогичного обзора, поскольку работы последних лет существенно не изменили основных теоретических представлений о предмете обсуждения. Однако важнейшие положения предыдущих исследований различных авторов, на которые опираются мои рассуждения, следует отметить.

Истоки возникновения тамг.

«Знаки первоначально были изображениями тотемов — покровителей родов. Потеряв свое тотемное значение ...» в ходе развития родовых, родоплеменных и межплеменных взаимоотношений они могут быть переосмыслены и отождествлены с предметами окружающей действительности. Это переводит их в ранг пиктограмм². Блестящей иллюстрацией процесса превращения реалистичного изображения тотема в абстрактный рисунок и перехода от родового тотема к личному знаку мы находим в работах В.Н. Чернецова и Ю.Б. Симченко³. Кроме того, из работ разных авторов становится ясно, что в качестве тамги иногда заимствовались знаки письма.

Тамга — знак собственности.

Еще Н.А. Аристов в конце XIX века пришел к выводу, что «... тамга — знак родовой собственности, она возникла в древности, когда не было еще семейной и личной собственности»⁴.

Закономерность развития тамг.

«При распадении родовых связей родовые знаки трансформируются в общинные, затем в дворовые (семейные) и, наконец, в личные. Здесь все яснее обозначается характер их как знаков собственности»⁵.

Правило наследования знаков собственности.

«Знак отца без изменений получает сын, наследующий основное имущество, остальные наследники получают измененные знаки — «отпятныши», в которых к отцовскому знаку прибавляются детали»⁶. Характерным для тюркских народов Х. Енихен считал способ видоизменения тамг путем добавления черточек к отцовскому знаку у младших отпрысков рода⁷. Ю.Б. Симченко, исследуя тамги народов Сибири XVII в., отмечает, что «наследник имущества получает тамгу без изменений, остальные потомки ее варьируют. Для XVII в. уже не существовало связи между личной тамгой и родовым знаком»⁸.

У разных народов в разные времена могли быть племенные, родовые, личные, шаманские и должностные тамги. Однако на монетах монгольских государств XIII–XIV вв. (исключая юаньский Китай, поскольку вопрос с тамгами в этом регионе остается сейчас неясным) такого разнообразия тамг по их назначению быть не могло. Тамги на монетах монгольских государств выполняли особо важную роль и несли максимальную информационно-смысловую офици-

альную нагрузку по сравнению не только с помещаемыми на керамике или крупах лошадей, но и при использовании в качестве таможенной отметки.

Проблема тамг на монгольских монетах XIII–XIV вв. имеет два наиболее важных аспекта:

- 1 выяснение причины и цели помещения той или иной тамги на монете данного конкретного монетного двора;
- 2 вопрос персонализации тамг; т.е. соотнесение конкретной тамги с конкретной исторической личностью (или родом).

Последний аспект является одним из сложнейших в монгольской нумизматике. Его важность и насущность обусловлена, кроме прочего, наличием большого количества типов анонимного (часто недатированного) чеканного серебра XIII в., значительная часть которого имеет тамги. В случае отождествления этих знаков собственности с конкретными историческими персонами монгольской политической арены они становятся единственным датирующим (не косвенно) признаком этих памятников нумизматики.

Все остальные вопросы, возникающие при изучении тамг на монетах, вторичны, и значительная часть из них решается, если перечисленные выше аспекты выяснены. Однако среди вторичных вопросов есть и достаточно сложные для научного анализа. Такими являются, например:

- принципы тамгообразования, используемые для создания изображения новых тамг наследников;
- принцип наследования родительской тамги и изменения подходов к этому вопросу с течением времени;
- выяснение причин и условий, при которых личная тамга может стать родовой или общегосударственной, и может ли вообще такое произойти, и т.д.

Важность решения двух первых аспектов проблемы для ученых, изучающих средневековую историю монгольских государств, настолько велика, что трудно переоценить значение решения этих задач. А суть заключается в том, что исследователям в случае успешного их решения открывается новый, доселе неизвестный исторический источник информации. Достоверность этого источника не сравнима ни с какими другими, кроме письменных документальных.

1. ПРИЧИНА И ЦЕЛЬ ПОМЕЩЕНИЯ ТАМГ НА МОНЕТАХ

Итак, попробуем рассмотреть первый важнейший вопрос: какова причина и цель помещения той или иной тамги на монете данного конкретного монетного двора.

В настоящее время ни для кого не является секретом, что **тамга, это, прежде всего знак собственности**⁹. Но как только дело доходит до анализа целей проставления тамг

на монетах, историки и нумизматы почему-то забывают про основную функцию этих знаков. Такая непоследовательность позиции ряда исследователей породила огромное количество «необъяснимых парадоксов» и домыслов, поренившихся на страницах научных статей, монографий и трудах историков.

По непонятным причинам большинство ученых, не только в работах прежних лет, но и в современных своих трудах, прямо или косвенно высказывающихся по этому поводу, считают, что если в монгольском государстве есть верховный правитель (каан или хан), то на монетах всех монетных дворов обязательно должно помещаться только его имя (возможно по аналогии с именем, лакамом или титулами верховного правителя на средневековых монетах мусульманских стран)¹⁰. Так, М.А. Усманов пишет: «Подлинная самостоятельность улусов наступила после известной борьбы между Хубилаем и Ариг-Бугой в первой половине 60-х годов XIII в., поражения последнего, начала чеканки монет от имени улусных ханов и признания их суверенности со стороны других государств»¹¹. В XIII в. крайне редко проставлялись какие-либо имена правителей на монетах Монгольской империи и затем отделившихся государств: Чагатайском и Джучидском. Фактически, начиная с периода после Арыг-Буги и до Келюка (до 721 г.х.), в чагатайском государстве на монетах вообще не встречено ни одного имени правителей рода Чингиз-хана, но имеются многочисленные тамги, являющиеся в этом случае теми «именами», о которых пишет М.А. Усманов. Конечно признание суверенности государств произошло не в «первой половине 60-х годов XIII в.», как отмечает автор, а в конце 60-х гг. на курултае в Таласской долине, собранного Кайду. И территориальные разграничения были определены тогда же, и изменения в монетном деле каждого из государств произошли именно после курултая. Но нам важно не это, а то, что М.А. Усманов и Г.И. Султанов уверены в существовании нумизматического признака, определяющего суверенитет государства именно в такой форме: «...начало чеканки монет от имени улусных ханов (подчеркнуто. — П.П.) ...», причем, непременно улусных ханов (здесь явно имеются в виду верховные ханы улусов Джучи, Чагатай, Хулагу и Хубилай). Если смотреть в корень проблемы, то станет ясно, что такая уверенность не имеет под собой почвы и основана она на сложившихся представлениях об устройстве монгольских держав, а не на результатах анализа фактического нумизматического материала! Именно поэтому появляется неверная трактовка в столь существенном вопросе, как государственное устройство. В данной работе не ставится цель углубленного рассмотрения вопросов государственного строительства монгольских ханств и оценки уровня самостоятельности крупных субъектов их составляющих. Это вопрос отдельного исследования.

Вероятнее всего тамги на монетах Великой Монгольской империи, государств Чагатайдов и Джучидов в XIII–XIV вв. исполняли все ту же свою основную задачу — показывали принадлежность тех или иных территорий (юртов) той или иной правящей персоне (или роду), т.е. являлись знаками собственности. Были ли исключения? Сейчас это сказать сложно, возможно могли быть. Замечу, что принципиальное право Чингизида на постановку своей тамги на монетах обязательно должно было иметь под собой юридическую основу, поскольку этот акт, по сути, кроме указания на «собственность» апеллирует к харизме предков и участвует

в формировании собственного харизматического авторитета персоны.

Однако прежде чем выискивать исключения, попробуем посмотреть, что нам дает такой подход к проблеме на примерах нескольких наиболее интересных вопросов. Термин *собственность* в данной констатации в значительной степени носит условный характер, поэтому используем более подходящий и менее конкретный, как мне кажется, термин: *владение*. Здесь не рассматриваются вопросы юридических особенностей владения, поскольку подобных данных нумизматический материал не сообщает. Попробуем ответить на ряд вопросов нумизматики с предложенных позиций.

Первый вопрос. Наиболее часто в исследованиях объяснение причин помещения тамги на монетах отсутствует полностью (видимо авторы считают это явление само собой разумеющимся), либо (как в случае помещения тамг потомков Тулуя — Мунгке и Арыг-Буги на монетах Булгара) приводятся идеи пресловутой политической поддержки одного правителя другим. Например: Бату и Берке (ханы Золотой Орды) поддерживали, таким образом, указанных эмитентов или выражали свою вассальную зависимость, «подавая остальным чингизидам пример для подражания»¹².

Надо признать, что это очень странный для средневековых кочевых монгол способ поддержки! Трудно себе представить, что помещение имен и тамг этих каанов на серебряных, а тем более медных монетах, которые за пределы Булгарской Земли не выходили, каким-то образом могли поддерживать правителей в Монголии в борьбе с их противниками (Мунгке каана в борьбе с потомками Гуюка и Угедея, а Арыг Бугу в борьбе с самим правителем Китая кааном Хубилаем). В те времена признавалось два вида поддержки — силовая поддержка (войсками) и финансовая поддержка (деньгами). Все остальные «поддержки» — не более как перенесение сегодняшних реалий внешней политики на средневековую почву, да и то в искаженном варианте. Столь же сомнительной кажется и идея о выражении таким образом своей вассальной зависимости от Каана, обнаруживающаяся, почему-то, только в болгарском чекане, хотя чекан Крыма ничего подобного не демонстрирует¹³. И примером для подражания такая акция являться не могла, поскольку не ясно, кто её может заметить, если монеты практически не покидают территорию Булгарии!

Решение вопроса: судя по наличию тамг Мунгке и Арыг-Буги на чеканном серебре Булгара, последний принадлежал им (потомкам Тулуя). Вся область, часть ее или только один город, а возможно, квартал в городе с монетным двором — не известно, но свидетельство монет однозначно!

Второй вопрос. Для некоторых ученых не понятно, как получилось, что в Средней Азии на монетах ряда монетных дворов в правление Мунгке каана не ставились ни его имя, ни его тамга, но при этом помещались тамги иных Чингизидов. Объяснение обычно по характеру близко к первому: его имя и тамга не ставились в знак непокорности, непризнания правоты многочисленных убийств потомков Угедея и Гуюка, которые он совершил в ходе борьбы за власть. Или иной вариант объяснения, по которому в качестве причины выдвигает все тот же политический сепаратизм. Такое предлагаемое объяснение приводит к мысли, что государство было уж не настолько едино, как мы его представляем сейчас. И в самом деле, наследу-

емые территории были поделены между членами правящего дома Чингизидов, а их владельцы подчинялись лишь требованиям каана в военном и налоговом аспектах. Но в правление Мунгке, которого поддерживал Бату (старший в роду), не могло быть и речи ни о каком сепаратизме, тем более выраженном в столь явной форме.

Решение вопроса: территории, монетные дворы на которых не помещали тамгу Мунгке каана в период его правления, в том числе и в Средней Азии, лично каану не принадлежали. По всей видимости, правители крупных улусов имели право (или им предоставлялось право) ставить свою тамгу на монетной продукции, выпускаемой на своей территории.

Третий вопрос: на чагатайских дирхемах 680–690-х гг. Тараза, Кенджде, Алматы встречаются две и даже три тамги. Объяснений этого «феномена» я вообще не встречал.

Решение вопроса: эти города и их округа являлись владениями тех лиц, чьи тамги помещены на монетах.

Четвертый вопрос: несмотря на то, что верховным правителем в чагатайском государстве был Кайду (670–701 гг.), можно наблюдать следующую картину размещения тамг на монетах:

- на дирхамах Бадахшана в 690-х гг. фиксируется только одна тамга ф-типа;
- в эти же годы в Шаше, Отраре, Кашгаре, Бухаре и Самарканде (может быть я перечислил не все монетные дворы) помещается тоже только одна тамга, но уже f-образная;
- одновременно с этими монетами на дирхамах Оша, Андигана и ряда других МД изображены эти две тамги вместе.

Решение вопроса: тамга ф-типа принадлежала сподвижнику Кайду — Дува-хану, и территория Бадахшана была его личным владением. Шаш, Отрар, Кашгар, Бухара и Самарканд принадлежали только Кайду (тамга f-образная), а Ош, Андиган, Хваризм и др. города — их совместные (долевые?) владения.

Пятый вопрос: на монетах чагатайского государства XIV века, начиная с правления Дува-хана (~701 г.) и до правления Мухаммад-хана включительно (740–741 гг.), ставилась только одна Ф-образная тамга, поэтому Е.А. Давидович посчитала ее общегосударственной. В чем причина того, что, начиная с 741 г., в разных регионах ханства начали проставляться тамги других видов¹⁴?

Решение вопроса: по мере захвата тех или иных территорий теми или иными представителями дома Чингизидов, не имевшими права наследования Ф-образной тамги, на монетах этих территорий проставлялись личные (наследные) тамги государей. Т.е. Ф-образная тамга не была общегосударственной, но передавалась по наследству, причем, не всегда первому лицу государства.

Перечень вопросов можно продолжать, но все они без исключения перестают быть парадоксальными, как только мы осознаем, что на монетах стоят тамги владельцев и со-владельцев данных городов и их округи (или территорий), и что это не было выражением сепаратистских настроений, а являлось правовой нормой. Прямым подтверждением тому является хорезмийская чеканка. На серебряных монетах Хорезма с 669 г. и по 706 г. неоднократно в одни и те же годы проставлялись то тамги среднеазиатских правителей, то Джучидов¹⁵.

В этой связи вспоминается точка зрения С.А. Явниной в отношении перечеканки болгарской медной монеты на тип с именем Мунгке каана, которая писала: «перечекан-

ка монет штемпелем с именем Менгу могла быть только следствием требования самого Менгу»¹⁶. Можно уточнить лишь, что Булгар, судя по наличию его тамги и имени, принадлежал именно Мунгке, возможно, как вознаграждение за активное участие в завоевательных походах Бату хана. Поддержка же Арыг-Буги как наследника со стороны Джучидов заключалась в том, что владения его предшественника были не «приватизированы» в их пользу, а переданы по наследству, что и подтверждают монеты Булгара с его тамгой и именем.

Тот же закон действовал на территории Средней Азии, Синьцзяна, Монголии. Особенности ильханской чеканки заключаются в том, что на монетах Хулагуидов тамги практически не ставились (мне известен один факт помещения тамги «Монгке» на дирхаме с именем Аргуна, битом в Исфахане в 686 г.). Неужели у Хулагу хана или его потомков не было тамг? Наверняка были! Причина тоже может скрываться в праве на владение, но с самого начала завоевания Ирана в оформлении и формуляре монет Хулагу мы наблюдаем соблюдение исламских традиций, что может оказаться определяющим фактором отсутствия помещения тамг.

Причиной помещения тамги (тамг) на монетах является необходимость заявления права на владение (в ряде случаев, видимо, и собственности) по монгольской традиции (закону?), а целью — обозначение этого права собственника на данную территорию, город, часть города и т.д. Сейчас нельзя сказать, какими правами в плане организации собственной чеканки и проставлении тамг на монетах обладали разные потомки Чингиз-хана. Судя по тому, что в Средней Азии при Мунгке каане в разных регионах чеканились монеты с разными тамгами и без них, можно полагать, что хозяева далеко не всех территорий, выделенных им в качестве юрта или каких либо пожалований, имели право проставлять свою тамгу на продукции «своих» монетных дворов. В письменных источниках можно найти достаточное количество свидетельств перераспределения территорий между потомками Чингиз хана. Это обстоятельство также находит отражение в памятниках нумизматики.

Столь же несложно дать ответ на еще один принципиальный вопрос золотоордынской нумизматики: почему хан Джанибек прекратил практику постановки тамг на джучидских монетах? Если взглянуть на проблему укрепления центральной власти в государстве, то становится ясно, что монгольская традиция постановки тамг мелких улусных владельцев повышает политический авторитет последних и мешает построению единой вертикали власти. В то же время Золотая Орда еще при Узбек-хане стала исламской страной, а в мусульманской традиции (практически, законе) на серебряной монете должно стоять имя правителя государства. Хан Узбек начал совмещать эти обе традиции достаточно регулярно (например, МД Булгар), а кое-где перешел на чеканку только именных монет (например, МД Крым). Совершенно очевидно, что лишь Джанибек хан смог полностью перейти на чеканку серебряной монеты в мусульманской традиции, поскольку именно при нем Золотая Орда достигла своего экономического и политического расцвета. Т.е. в данном случае отказ от монгольской традиции постановки тамги на серебряных монетах — шаг политический, направленный на подрыв потенциальных проявлений сепаратизма в различных улусах государства.

Кстати в государстве Чагатаидов в XIV веке и монгольская традиция постановки тамг, и мусульманская тра-

дидия указания имени правителя на монетах так и существовали одновременно до самого распада державы. В этом отразилась непрекращающаяся в султанате борьба между партиями, с одной стороны, ратовавшими за яс и кочевой образ жизни монголы, а с другой — понимавшими роль и значение развития городов и земледелия и делавшими ставку на это.

Такой подход к размещению тамг на монетах монгольского периода прост, понятен, функционален, не противоречит изначальному смыслу проставления тамги, но, вместе с тем, не традиционен для сложившихся научных представлений. Конечно в ходе дальнейшей разработки этой темы некоторые объяснения могут оказаться не совсем точными. Отношение к тамге на монете в разные периоды времени и в разных ханствах может трансформироваться по-разному. Но, как мне представляется, для XIII – начала XIV вв. такие изменения еще не сформировались.

И если монета с тамгой не несет имени, можно говорить, что она анонимна лишь с формальной точки зрения, а по сути она — именная. Попробуем персонализировать некоторые самые ранние виды известных знаков собственности.

2. ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ТАМГ

Рассуждая о тамгах и причине их постановки на монеты, мы невольно перешли на личности, которым они принадлежат, т.е. ко второй важнейшей проблеме — персонализации тамг.

Сложность отождествления тамг связана в первую очередь с отсутствием надежных сведений о принадлежности хотя бы части из них конкретным лицам, а во вторую очередь, с неразработанностью вопросов тамгообразования для Чингизидов. Кроме того, обилие знаков и их использование на анонимных монетах часто не позволяют проводить однозначное сопоставление с персонами. Вид большинства владетельных тамг нам известен в основном из анализа нумизматических памятников, поэтому представляется, что именно эти источники и прольют свет на тайны персонализации знаков.

Рассмотрение вопроса начнем с изучения собственно нумизматического материала. Замечу, что для анализа использовались как известные (опубликованные или упомянутые) ранее монеты, так и вновь публикуемые. Все экземпляры Государственного Эрмитажа, фотографии с которых приведены в настоящем докладе, были любезно предоставлены М.Б. Северовой для изучения и публикации, за что я приношу ей свою особую благодарность.

СЕРИЯ МОНЕТ № 1 С ТАМГОЙ: ☉

I / 1 Анонимный. Самарканд, 622 г.х., месяц мухаррам. Медный посеребренный дирхем.

Фототаблица 26

Л.с. В центре поля, в круге: *سمرقند* = Самарканд
Кругом квадратом в два ряда — легенда:
внутренний квадрат —

سمرقند / ونواحی / اواین / شهرروان

= в Самарканде и его округе это ходячая монета
внешний квадрат —

ضرب هذا الدرهم بسمرقند / سنه اثنا و / عشرين و ستمائنه

= Чеканен этот дирхем в Самарканде в году два и двадцать и шестьсот

Внешний ободок — линейный.

О.с. В поле картуша (квадрат, вписанный в круг): — в центре — виньетка; — над виньеткой — тамга; по внутренней стороне квадрата (слева направо) — легенда:

محرم سنه اثني / و عشرين / و ستمائنه

= Мухаррам год два и двадцать и шестьсот

в сегментах: *سنه اثني / و عشرين / و ستمائنه*
ضرب هذا الدرهم / بسمرقند

Этот тип монет впервые опубликован Е.А. Давидович¹⁷ (тип 3 по ее классификации) и описание здесь просто повторяется на основании ее работы. Автор отметила, что приведенная реконструкция типа сделана по нескольким экземплярам из музея МИ Узбекистана. Мне удалось обнаружить в частной коллекции в России один такой экземпляр, но слабой сохранности. Именно его фотография № А приведена в качестве иллюстрации (в = 7,52 г, Д = 36 мм).

I / 2 Анонимный. Самарканд, 622 г.х., месяц мухаррам. Медный посеребренный дирхем.

Фототаблица 26

Монета аналогична № I / 1, но на Л.с. в центре, охваченном ободком не слово Самарканд, а виньетка, такая же, как на О.с. монеты. Из-за слабого состояния экземпляра трудно понять, как осуществлены переносы слов в легендах обеих сторон. Однако очень четко наблюдается, что на О.с. надпись начинается не с нижнего сегмента (как у № I / 1), а с верхнего. Кроме того, вес экземпляра — 3,06 г, и диаметр существенно меньше, чем у предыдущих монет = 27–28 мм. Все эти данные свидетельствуют о том, что эта монета по-настоящему достоинства по сравнению с описанной выше.

Эта монета публикуется впервые по зафиксированному экземпляру из частной коллекции.

I / 3 Чингиз-хан. Самарканд, 624 г.х. Медный посеребренный дирхем.

Фототаблица 26

Л.с. Картуш состоит из двух линейных ободков, разделенных между собой круговой легендой. В центре поля — изображение ненапрянутого лука с наложенной стрелой. По виду накопчика — это стрела срезень. Слева и справа от тамги — слово *хани*, разбитое на два слога: *خا / نی*

Надпись в поле расположена квадратом (верхняя сторона квадрата — тамга со словом *хани*). Далее слева направо: *سمرقند / و / نواحی*

= Самарканд и округа

Круговая легенда:

ضرب بهذا الدرهم (!) سمرقند / سنه اربع عشرين ستمائنه

= Чеканен этот дирхем (в) Самарканде (в) году четыре двадцать и шестьсот

О.с. В поле, обрамленном сложным фигурным ободком — легенда в три строки:

منکو / چنگز ی / چنگز خان = Монета / Чингизова / Чингиз хан

По сторонам квадратом — выпускные сведения (сверху и слева на право):

ضرب بهذا (!) / هم سمرقند / سنه اربع عشر (!)

На О.с. в слове *дирхем* пропущена буква *ра*, а в слове *десятков* отсутствуют две конечные буквы (*ин*). Числительное *сотен* вообще не убралось.

Эта монета впервые была опубликована В.Г. Тизенгаузеном, но прорисовка и чтение легенд было не совсем верным. Е.А. Давидович еще раз опубликовала и описала эту монету с уточненным чтением легенд¹⁹, а также привела фотографию в монографии, но из-за плохого качества печати чтение легенд на экземпляре по фотографии затруднительно. Поэтому здесь повторно приводится фотография этого же экземпляра, хранящегося в ГЭ (инв. № 30311; в = 4,22 г; Д = 29 мм). На монете видны следы серебрения. Возможно, «номинал» этого экземпляра соответствует «номиналу» монеты типа 1 / 2.

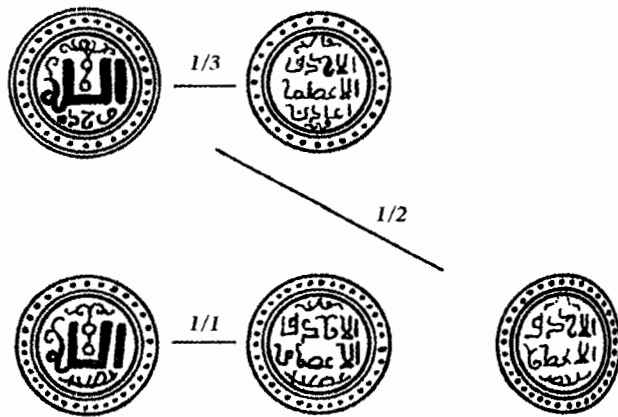

Рис. 1

на Л.с. монеты с помощью алфавита пагсба, почему и датировал их соответственно.

СЕРИЯ МОНЕТ № II С ТАМГОЙ: ☉

II / 1 Анонимный. Орду ал-Аззам. Дата не указана. Серебро.

Фототаблица 27 Реконструкция 3-х вариантов дирхемов этого типа приведена на рис.1 (1/1, 1/2 и 1/3).

Л.с. В поле, обрамленном сложносоставным ободком (пятерной ободок: два внешних и два внутренних — линейные, между ними — ободок из крупных точек), в две строки: (!) **الله/وح ده** = Бог / един

Причем, слово *Аллах* написано крупно, так что занимает почти все поле монеты, и в нем (между второй и третьей буквами) размещена тамга. Над тамгой — виньетка. Встречается несколько вариантов виньетки. Но вариантообразующим признаком следует считать написание слова *вахдуху* — оно бывает изображено и уйгурскими, и арабскими буквами (см. реконструкцию вариантов).

О.с. В поле, охваченном таким же ободком, как на Л.с., легенда в три строки:

الاردو (!) / الاعظم / اعاد س (?)

В этой легенде не понятно третье слово (*агадир?*). Причем, оно тоже бывает приведено как в арабской, так и в уйгурской графике (см. реконструкции). Над легендой поля помещена виньетка, или растительный орнамент. Вариантов этих виньеток также несколько. Необычно написано слово *ал-Арду* (без буквы *ав* перед буквой *ра*).

Что касается сложного ободка, то далеко не всегда он виден полностью, поэтому в реконструкции полный ободок нарисован только на Л.с. монеты варианта №II / 1-3, остальные реконструкции, сделаны так, как было видно на экземплярах изображений многочисленных монет этого типа, имевшихся в моем распоряжении.

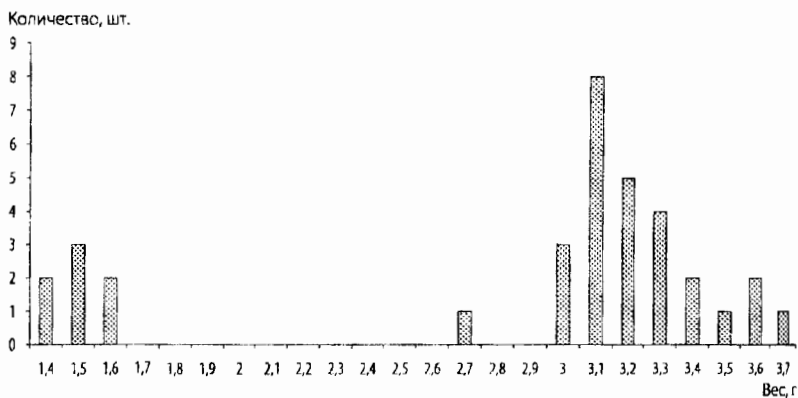
Впервые эти монеты были подробно описаны В.Н. Настичем в составе Отрарского клада²⁰. Позднее они привлекли внимание ряда ученых различных стран. Их находки концентрируются в основном на территории Синьцзяна. Ван Лин сообщает о трех таких монетах в Люшуньском²¹ музее, происходящих из раскопок в Синьцзяне. Цзян Ци-Сян²² привел изображения еще трех монет из находок в Синьцзяне. Он относит их почему-то к 650 – 652 гг. Четыре аналогичные монеты из находок в Чангдзи приведены в альбоме «Синьцзянская нумизматика», изданном в Гонконге²³ (№№ 154 – 158), но без определения и описания. Привела изображения этих монет и Венишия Портер²⁴ в своей обзорной статье под номерами 24 – 28 и 29 – 31. Причем она отметила, что Пол Бьюл попытался прочитать второе слово

На одном из экземпляров В.Н. Настич отметил присутствие s-образной тамги²⁵. Все монеты разделены им на две весовые группы (они же различаются и по диаметрам): Д = 17,5 – 22 мм — 3,28; 3,23; 3,28; 3,52; 3,00; 3,03; 2,75 (обломан); 3,64; 3,62; 3,41; 3,09; 3,04; 3,72; 3,34; 3,09; 3,08; 2,67 г. Всего 17 шт. Средний вес 3,25 г.

Д = 13 – 16 мм. 1,53; 1,54; 1,38; 1,53; 1,36; 1,58; 1,58. Всего 7 шт. Средний вес 1,50 г.

Привлечение метрологических данных из упомянутых выше литературных источников расширило представление лишь о весовых нормах монет первой группы. Так у Цзян Ци-Сяна находим следующие сведения: 18 мм — 3,4 г; 18 мм — 3,2 г; 19 мм — 3,1 г. Очень странные значения диаметров приводит Венишия Портер: 29 мм — 3,19 г; 28 — 3,22 г; 21 мм — 3,30 г; 30 мм — 3,16 г; 28 мм — 3,07 г; 28 мм — 3,06 г; 29 мм — 3,12 г; 29 мм — 3,12 г. Не исключено, что такие значения диаметров просто опечатка и следует читать не 28 мм, а 18 мм, и не 29 мм, а 19 мм. Однако я не имею возможности это проверить и, соответственно, не буду использовать эту информацию для анализа. Итак, построим гистограмму зависимости количества монет от их веса (гистограмма 1).

Из графика прекрасно видно, что в наличии имеется две весовые группы монет этого типа, что и отмечал В.Н. Настич. Однако в клад, описанный им, попадали монеты не все подряд, а наиболее тяжеловесные, чем и обу-

Гистограмма 1. Зависимость количества монет типа II/1 от значений веса

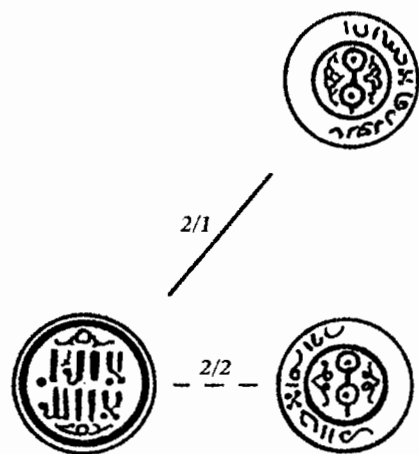

Рис. 2

словлен повышенный средний вес в первой группе (3,25 г) и наличие дирхемов со значениями веса более 3,6 г, в то время как монет с весом менее 3,00 г практически нет. Это наблюдалось и при анализе монет Алмалыка²⁶. Для алмалыкских монет мною были установлены следующие указанные нормы чеканки:

– дирхем исходный	3,122 г;
– 1 ярмак (фракция $\frac{2}{3}$)	2,08 г;
– половинная фракция	1,56 г;
– фракция $\frac{1}{3}$	0,78 г.

Поэтому неудивительно, что и продукция Орду ал-Азам указывает нам на аналогичные весовые нормы чеканки, по крайней мере, на две из них — 3,122 и 1,56 г. Т.е. в данном случае мы имеем дело и с фракциями серебряного весового дирхема.

II / 2 Анонимный. МД и дата не указаны. Серебро.

Фототаблица 27, №№ Д, Е, Ж. Рисованные изображения дирхемов этого типа приведены на рис. 2 (2/1 и 2/2).

Л.с. В поле, заключенном в двойной линейный ободок, легенда в две строки:

لا اله الا الله / لا اله الا الله = нет Бога / кроме Аллаха (первая строка калимы).

Над и под надписью одинаковые виньетки.

О.с. В центре картуша, состоящего из двух линейных ободков, разделенных круговой легендой, изображена тамга, а слева и справа от нее — по виньетке.

Круговая легенда сохранилась частично и уверенно читается лишь одно слово:

... لعد ل (؟) ...

Этот тип монет ранее без описания публиковался Лихачевым²⁷. Все три приведенные здесь монеты находятся в частных коллекциях в России. Их метрологические параметры: Д (в = 1,00 г, Д = 14 мм), Е (в = 1,03 г, Д = 14,3 мм), Ж (в = 1,04 г, Д = 14 мм). Эти данные свидетельствуют о том, что перед нами, скорее всего, половинная фракция дирхема ярмак (с указным весом чеканки 1,04 г = $\frac{1}{3}$ дирхема в 3,122 г).

Эти три монеты и еще один экземпляр (обломан пополам) найдены в области Хорезм. Сведения еще об одном экземпляре, также найденном в Хорезме (в районе Ургенча) в ходе археологических раскопок, сообщил Е.Ю. Гончаров. Происхождение экземпляра из коллекции ГИМ неиз-

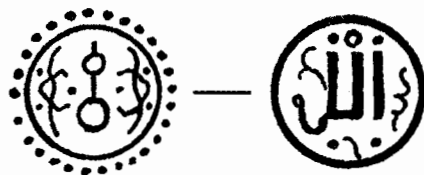

Рис. 3

вестно. Поскольку эти мелкие фракции серебряных монет, как правило, не «уходили» далеко от места их чеканки, то есть основание предполагать, что рассматриваемые экземпляры бились именно в Хорезме (возможно, в Ургенче). Видимо это самые ранние из известных на сегодняшний момент чингизидские монеты хорезмской чеканки.

II / 3 Анонимный. МД и дата не указаны. Медь.

Фототаблица 27. Реконструкция типа пула приведена на рис. 3.

Л.с. В поле, обрамленном двойным линейным ободком, помещено слово الله = Бог.

Справа от него — виньетка; сверху — кружок с точками по сторонам; внизу — s-образный(?) знак с точками по сторонам.

О.с. В поле, обрамленном двойным(?) ободком (внешний — точечный, внутренний — линейный), — тамга. Справа и слева от нее — по виньетке.

Монета публикуется впервые. Место хранения — ГЭ (коллекция бывшего Азиатского музея). Д = 16,5 мм.

МОНЕТА СЕРИИ № III С ТАМГАМИ: и

III / 1 Угедей (Октай) и Чагатай. МД и дата не указаны. Серебро.

Фототаблица 27

Л.с. В центре картуша, состоящего из двух линейных ободков, разделенных круговой легендой, изображена тамга — «кленовый лист».

Кругом: يارغ اوقطى يارغ جفطى
= Ярлиг Октая Ярлиг Чагатай

О.с. В центре картуша, состоящего из двух линейных ободков, разделенных круговой легендой, изображена s-образная тамга.

Кругом: الناصر لدين (!) الله امير المومنين
= ан-Насир ли-дин Аллах повелитель правящих

Монета подробно публикуется впервые, несмотря на то, что ранее она была кратко описана Н.П. Лихачевым²⁸. Это единственный известный мне на настоящий момент экземпляр чеканной продукции, на котором помещено сразу два имени сыновей Чингиз-хана. Монета хранится в ГЭ (инв. №30350, в = 0,62 г, Д = 14,9 мм). Судя по весу и диаметру, это тоже фракция, которая могла биться по указанной норме 0,78 г.

Итак, для рассмотрения предложены три группы монет с четырьмя видами тамг.

Пятая тамга: — хорошо всем известна и может быть однозначно отождествлена со знаком хана Бату, т.к. эта тамга встречена вместе с тамгой Угедей (624–639 г.х.) в одной надчеканке на термезской медной монете. Как выглядела тамга Джучи хана, мне пока неизвестно, возможно,

что Бату наследовал тамгу отца, а возможно, что это его личная тамга. Не вызывает сомнения и тот факт, что стрелевидная тамга, встречаемая на крымских серебряных и медных монетах, тоже ранняя и, на мой взгляд, может скорее относиться к Берке хану или владельцу Крымского юрта, нежели к Менгу Тимуру, использовавшему свою тамгу (называемую, почему-то тамгой «Бату») с перекладиной у ножки. Однако рассмотрение и обоснование персонализации джучидских тамг не входит в задачи этой статьи, и эта группа тамг упоминается лишь в связи с необходимостью проведения анализа имеющейся информации.

ТАМГА 1

Из приведенного нумизматического материала (монеты серии № I) видно, что этот знак помещен на медных посеребренных дирхемах Самарканда с датами, соответствующими периоду правления Чингиз-хана и даже с его именем на экземпляре 624 г.х. Ни на одной известной мне монете, кроме описанных, с именем основателя рода правителей Чингизидов или с датами, соответствующими его владычеству, такой тамги больше пока не встречено. Не наблюдается она более никогда и после его кончины. С другой стороны, хорошо известно описание тамги Чингиз-хана – «птичья головка с клювиком»²⁹. В этом описании отсутствует упоминание о нижней (или верхней) перекладине, в которую бы упирался «клювик». То есть, тамга на монетах не соответствует известному словесному «портрету» этого знака. Но строго говоря, мы не можем быть абсолютно уверены в том, что автор письменного источника так уж непогрешим и точен в интерпретации увиденного. В то же время, налицо знак очень похожий на описываемый, да еще сопровождающийся именем Чингиз-хана. Вероятно, не стоит искать каких либо иных вариантов отождествления этой тамги, кроме как со знаком самого Чингиз-хана.

Однако однозначно сбрасывать со счетов описание тамги Чингиз-хана тоже было бы неправильно. Предположим, что описание, приведенное выше, безукоризненно точно, тогда рассматриваемая здесь тамга могла бы принадлежать только сыну Чингиз-хана Джучи, тамгу которого мы, по сути, не знаем. Если это так, тогда две дополнительные ножки превращают ее в тамгу Бату, а перекладина у одной из ножек формирует тамгу Менгу Тимура. Построение выглядит вполне логично с учетом принципа, изложенного в начале доклада. Но у меня в настоящий момент нет серьезных оснований для выбора одного из двух вариантов отнесения рассматриваемой тамги либо к Чингиз-хану, либо к Джучи-хану, кроме формального (присутствие вместе с тамгой имени первооснователя монгольской империи), который не является однозначно определяющим.

ТАМГА 2

Построение данного знака основано на удвоении изначального знака — «головки с клювиком», но при этом удаленными оказываются перекладины тамги 1. Это самое простое описание графики изображения тамги 2. И, конечно, она могла принадлежать представителю только второго или третьего поколения Чингизидов, но не далее. О раннем происхождении этого знака высказывался и Н.П. Лихачев³⁰. Допустим, что мы не ошибаемся в этом предположении. Да и вряд ли можно в этом ошибиться, поскольку на О.с. одного типа дирхемов серии № II указан монет-

ный двор *ал-Орду ал-Аззам (Орда высочайшая)*. То есть, речь идет именно о ставке каана. Большое скопление монет этого типа в Синьцзяне, как собственно и вообще серебряных монет первой половины XIII в., свидетельствует не столько о торговой активности региона в тот период, сколько о присутствии здесь (или поблизости) каана и его ставки. Приток значительных средств в казну каана, получаемых в качестве налога, доли от грабительских походов соплеменников, подарков от вассалов, и т.п., способствовал интенсификации выплат чеканным серебром. Поэтому мы не ошибемся, если станем утверждать, что рассматриваемая тамга — тамга не просто наследника Чингизова, а именно каана.

Архаичность стиля монет также свидетельствует об их раннем происхождении. Огромные массы продукции этого монетного двора (несколько вариантов типа и большое количество штемпелей, которыми они бились) служат доказательством активного производства данных монет. Итак, выбор претендента на обладание рассматриваемой тамгой становится невелик: Угедей каан, Гуюк каан, Мунгке каан, Арыг-Буга каан. Еще один возможный претендент — Алгу султан (его чекан в Орду ал-Аззам известен). Но Алгу — уже представитель четвертого поколения, внук Чагатая, поэтому его кандидатура не рассматривается. Тамги Мунгке каана и Арыг-Буги хорошо известны³¹, поэтому их можно исключить из списка. Остаются Угедей и Гуюк. Первый правил дольше второго — с 624 по 639 г.х. В его правление империя расширила свои владения, и недостатка в притоке материальных средств не должно было ощущаться. Активно работал монетный двор Алмалыка, но одной его продукции было бы явно не достаточно для обеспечения государственных нужд. Известны серебряные дирхемы Самарканда 734 г.х. с s-образной тамгой, а не с тамгой № 2. Любопытно еще одно: тамга № 2 или ее модификация (трансформированный наследниками вариант) больше пока не встречен ни на каких монетах.

Учитывая все эти обстоятельства, думаю, что есть основание соотнести эту тамгу с личностью Гуюка (644–647 гг.х.), а соответственно, и монеты серии № II отнести к этому правителю.

ТАМГА 3

Этот знак встречен на монете вместе с s-образной тамгой и с двумя именами Чагатая и Угедея. Но если тамга Угедея была вычислена ранее³² (s-образная тамга), то следовало бы рассмотреть принадлежность второй тамги Чагатаю. Именно это сделать оказалось несложно. На серебряных дирхемах Алмалыка, входившего в исконный улус Чагатая и его потомков, в конце XIII – начале XIV века мы опять находим эту же тамгу. Ее модифицированный вариант (М.Е. Массон назвал ее без объяснений тамгой Йасавура³³) находим на монетах XIV века с именами Чагатаидов

Халил Аллаха и султана Казана:

Поэтому логично считать, что тамга 3 — знак Чагатая. Приведенная здесь монета могла быть чеканена только в его владениях.

ТАМГА 4

Как уже отмечалось выше, эта тамга имеется на монетах времени Угедея в Самарканде (634 г.х.) и на монете с именем Чагатая и Угедея. Кроме того, в XIII веке появляется и активно проставляется производная от этой там-

ли — f-образная тамга в период правления хана Кайду (Утедеида по родословной). Кроме того в 741 г.х. в Отраре чеканит серебряные дирхемы Утедеид Алисултан, сместивший с престола Чагатаида Йесун Тимура, и помещает на них опять тамгу, являющуюся производной по построению от s-образной тамги:

Все эти обстоятельства как нельзя лучше свидетельствуют в пользу соотнесения S-образного знака с тамгой самого Утедеида.

* * *

Итак, в империи Чингизидов тамга хозяина улуса и вилаета или юрта (личная или наследственная) могла законно помещаться на монетах, битых на монетных дворах в его владениях. Такой ракурс рассмотрения вопроса может оказаться очень важным и позволит в дальнейшем отождествить не один тип монгольских владетельных знаков. Кроме того, это уже сейчас объясняет существование на монетах столь большого разнообразия тамг. Он не противоречит, а подтверждает точку зрения Н.Н. Крадина³⁴ (поддержанную Т.Д. Скрынниковой) на подход к исследованию социальной организации и структуры кочевых обществ в том, что в Монгольской империи «ядро и зависимые территории не составляют единой взаимосвязанной экономической системы и тем более единого политического организма»³⁵.

Предлагаемый вариант объяснения наличия различных тамг на монетах, как знаков, означающих право персон (ими обладающих) на владение, олицетворяет собой единый подход к вопросу, которой обязательно должен был присутствовать и иметь юридическую основу в Монгольской империи. Конечно, развивающийся институт власти мог вносить, и, видимо, вносил свои коррективы в правовую часть вопроса постановки тамг на монеты. Выявление этих изменений представляется делом будущих исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М.Д. Полубояринова. Знаки на золотоордынской керамике. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, с.165–175.

² И.И. Мещанинов. Загадочные знаки Северного Причерноморья. // Иав. ГАИМК. Вып. 62. 1933.

³ В.Н. Чернецов. К истории родового строя у обских уйгуров. // СЭ, 1947, VI/VII; Ю.Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965.

⁴ Н.А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и кара-киргизов. // Живая старина. СПб., 1897. Вып. III/IV, с. 410.

⁵ М.Д. Полубояринова. Знаки на <...>, с. 166, (см. П.Е. Ефименко. Юридические знаки. // ЖНМП. СПб., 1874, ч.176).

⁶ Там же.

⁷ М.Д. Полубояринова. Знаки на <...>, с.169, (см. Н. Janichen. Bildzeichen der Königlichen Hokeit beiden iranischen Völkern. // Antiquites, Reihe 1, Abhandlungen zur alten Geschichte. Bonn, 1956. Bd. 3).

⁸ М.Д. Полубояринова. Знаки на <...>, с.171, (см. Ю.Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965).

⁹ С.А. Яценко. Знаки-тамги иранозычных народов древности и раннего средневековья. М. 2001, с. 22–23.

¹⁰ Т.Н. Султанов. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии. // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М. 2002, с.14; М.А. Усманов. Об особенностях раннего этапа этнической истории улуса Джучи // Там же, с.101.

¹¹ М.А. Усманов. Об особенностях раннего этапа этнической истории улуса Джучи // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М. 2002, с.101.

¹² Г.А. Федоров-Давыдов. Денежное дело и денежное обращение Болгарии. // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М. 1987, с.163–164; А. Сигагуллина. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. (материалы из каталога). // Татарская археология. Казань. 1998, с.57.

¹³ К.К. Хромов, В.Н. Настич. Два редких типа серебряных монет Крыма золотоордынского периода. // XI ВНК. Тезисы докладов. СПб. 2003, с. 77–79; В.П. Лебедев. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XII–нач.XV в.). // Вестник Одесского музея нумизматики №2. 2000.

¹⁴ П.Н. Петров. Смута 1340-х гг. в государстве Чагатаидов (нумизматические данные). // XI ВНК. Тезисы докладов. СПб. 2003, с. 104–106, рис.

¹⁵ Подробнее см. П.Н. Петров. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. Нижний Новгород. 2003, с. 106–108.

¹⁶ С.А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // МИА. №61, том II. М. 1958, с.399.

¹⁷ Е.А. Давидович. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бска (XIII в.). М., 1972, с. 14–15.

¹⁸ ЗВО, VI, с. 253–254.

¹⁹ Е.А. Давидович. Денежное хозяйство Средней Азии <...>, с. 16.

²⁰ К.М. Байнаков, В.Н. Настич. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара. // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981, с. 39–42 (на с. 39 — №8; рис. 11, №№ 10–14).

²¹ Люшун — бывший Порт-Артур.

²² Jiang Qi Xiang. The currency of Xinjiang during the Mongol Yuan dynasty. // Chinese scholars at the British Museum conference on Mongol money. January, 1995. (кит. см. — Xinjiang Qianbi. 1995, № 4, pp. 1–9).

²³ Xinjiang Numismatics. (Album). Hong Kong, 1991, p. 40.

²⁴ Venetia Porter. The Islamic coins collected by Stein in Chinese Central Asia. // Studies in silk road coins and culture. (Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65-th birthday). Kamakura. 1997, p. 207, 213, 220.

²⁵ К.М. Байнаков, В.Н. Настич. Клад серебряных вещей <...>, с. 40.

²⁶ П.Н. Петров. Монгольская монетно-весовая система и радио в Средней Азии XIII в. (Результаты анализа метрологических характеристик монет из кладов). // ДПДР. Вып. IV. Нумизматический сборник, т.3. Памяти Б.Д. Кочнева. Н.Новгород, 2002, с. 227, гистограмма 1.

²⁷ Н.П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. // Труды музея палеографии АН СССР. Т.2. Л. 1930, С. 148, рис. 127.

²⁸ Н.П. Лихачев. Материалы для истории <...>, с. 148–149, рис. 128.

²⁹ Н.П. Лихачев. Материалы для истории <...>, с. 147–149.

³⁰ Н.П. Лихачев. Материалы для истории <...>, с.147–148.

³¹ М.Д. Полубояринова. Знаки на <...>, с.173.

³² П.Н. Петров, В.А. Беляев. Об атрибуции некоторых типов знаков собственности на монгольских монетах XIII в. // IX ВНК. Великий Новгород, апрель 2001. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001, с. 81–82; П.Н. Петров, В.А. Беляев. К вопросу о персонализации тамг на монетах Чагатайского улуса. // Труды 1-й международной нумизматической конференции. Саратов 2001. М. 2004.

³³ М.Е. Массон. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов. (По поводу Таласского клада монет XIV в.) // Труды САГУ. Нов. серия, вып. CXI. Археология Средней Азии. Т. IV. Ташкент. 1957, с. 97.

³⁴ Н.Н. Крадин. Империя хунну. Владивосток. 1996, с. 113.

³⁵ Т.Д. Скрынникова. Харизма и власть в эпоху Чингиз-хана. М. 1997, с.47.